

Велиева С.М.,

к. ф. н., докторант Института литературы им. Низами
Национальной Академии наук Азербайджана,
Азербайджан, г. Баку, e-mail: dilchilik2001@gmail.com

«ПРОПАСТЬ» В ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Данная статья посвящена исследованию творчества великого Азербайджанского поэта XX века Гусейна Джавида. В творчестве Г. Джавида выражение «пропасть» не носит случайный характер. В творчестве поэта-драматурга нашли свое отражение проявляющие себя в жизни и нравственности пропасти. Самым наглядным примером этого является пьеса «Пропасть» Г. Джавида. Образы в пьесе в борьбе за моральную чистоту могут выразить в полной мере противостояние Востока и Запада. Как известно, в творчестве Г. Джавида понятие «пропасть» представляет собой не только понятие реального места, но вместе с тем и духовное пространство, которое возникает из беспредельности научных изысканий, процесса изучения, культурного развития. Является средством глубокого и с художественными оттенками выражения сложных характеров образов, противоречий общества. Мастер и реальные столкновения, и духовные изнашивания уподобляет пропастям, называет их беспредельными безднами, дна которых не видно, которые не исчерпываются при углублении. Автор приходит к выводу, что написанные Г. Джавидом произведения, начавшись с сохранения национально-нравственных проблем, и тысячу лет спустя останутся актуальными с точки зрения пропаганды и развития как национально-туркистских, так и общечеловеческих ценностей.

В статье все эти проблемы исследуются на обширном материале драмы «Пропасть».

Ключевые слова: Джавид, романтизм, Европа, пропасть, духовность.

Veliyeva S.M.,

Ph.D, Doctoral student of the Institute of Literature named after Nizami ANAS,
Azerbaijan, Baku, e-mail: dilchilik2001@gmail.com

«Abyss» in life and spirituality

The given article is devoted to the investigation of the activity of the great Azerbaijanian poet of the 20th century HuseynJavid. In HuseynJavid's activity the word expression «abyss» is not accidental. In the activity of the poet-playwright his reflection showing himself in the life and morality of the abyss has been found. The most obvious example of it is the play «Abyss» by H. Javid. The images in the play in the struggle for the moral purity can fully express the confrontation between the East and the West. As it is known in H. Javid's activity the concept of the «abyss» is not only a concept of a real place, but at the same time a spiritual space that arises from the boundlessness of the scientific research, the process of investigation, the cultural development. It is a means of deep and artistic shades of the expression of the complex characters of images, the contradictions of society. The master and the real clashes and the spiritual wear likens chasms, calls them as the boundless abysses, the bottom of which is not visible, which are not exhausted by deepening. The author comes to the conclusion that the works written by H.Javid starting with the preservation of the national and the moral problems, and a thousand years later will remain relevant from the point of view of propaganda and the development of both national-Turkic and the universal values.

In the article all these problems are investigated on the extensive material of the drama «Abyss».

Key words: Javid, Romanticism, Europe, abyss, spirituality.

Велиева С.М.,

Азербайжан Ұлттық ғылым Академиясы,
Низами атындағы Әдебиет институтының докторанты, ф. ф. к.,
Азербайджан, Баку қ., e-mail: dilchilik2001@gmail.com

Өмір мен өлімдегі «шыңырау»

Мақала Азербайжанның ХХ ғасырдағы ұлы акыны Гусейн Джавидтің шығармашылығын зерттеуге арналған. Г. Джавидтің шығармашылығында «шыңырау» сөзі тектен-текке аталмайды. Драматург-ақынның шығармашылығында өмір мен ожданға орын алған құлдыраулар жан-жақты суреттеледі. Г. Джавидтің «Шыңырау» пьесасы осының өте нақты үлгісі болып табылады. Пьесадағы моральдық тазалық жолында күресіп жүрген кейіпкерлер Шығыс пен Батыстың бір-біріне деген қарама-қарсылығын шын мәнінде бейнелеп бере алады. Жұрттың бәріне белгілі, Г. Джавидтің шығармашылығындағы «шыңырау» ұғымы шындық өмірдегі орынды ғана көрсетіп қоймайды, сонымен бірге ол ғылыми ізденістердің, үйрену үрдісінің, мәдени дамудың шексіздігінен пайда болатын рухани кеңістікті де мегзейді. Сөз шебері шын өмірдегі қақтығыстарды, рухани келеңсіздіктерді шыңырауға ұқсатады, оны түбі көрінбейтін, тереңдеген сайын тереңдей түсетін құрдым деп атайды. Автор Г. Джавидтің шығармашылығын ұлттық-түркілік, бүкіл адамзаттық құндылықтарды бағалауда және насихаттауда бұдан мың жыл кейін де өзектілігін жоймайтын туындылар деп бағалайды.

Мақалада барлық проблемалар «Шыңырау» драмасының кең көлемдегі материалдары негізінде талданған.

Түйін сөздер: Джавид, романтизм, Еуропа, шыңырау, руханилық.

Введение

В творчестве великого Азербайджанского драматурга и поэта Гусейн Джавида есть такие слова, выражения, которые длительное время сохранялись во многих художественных образцах поэта-драматурга, начиная с первых стихотворений и до крупнообъемных драматических произведений, и в определенные моменты превращались в важное средство передачи читателю великих идей, выдвигаемых мастером. Для примера подчеркнем, что используемое в стихотворениях, отдельных драматических произведениях до написания пьесы Г. Джавида «Пропась» выражение «пропась» носит не случайный характер, это выражение направлено на глубокий анализ занимающих важное место в творчестве мастера отношений общества и человека. Один этот факт уже доказывает, что поэтическая система литературного наследия Г. Джавида представляет собой совершенную художественную систему и обеспечивающие его факторы – и образ, и сюжет, даже отдельно взятое какое-либо выражение взаимосвязано служат этому совершенству.

Эксперимент

Пьеса «Пропась» была написана в 1919 году и до этого времени в Азербайджане произошло немало общественно-политических событий. Национально-культурное развитие, начавшееся с

М.Ф.Ахундова и Г. Зардаби, и продолжавшееся М. Шахтагтинским, Дж. Мамедкулизаде, А. Гусейнзаде, обеспечило образование Азербайджанской Демократической Республики. Национальное сознание в первую очередь нашло свое отражение в формировании государственных атрибутов АДР. Страна, отдав сотни жертв, спасшись от дашнак-российской имперской резни, находило утешение в создании своего государства. Люди нового времени для того, чтобы их судьба была более светлой, предпочитали обратить взор вокруг, то есть вдаль, на Европу. Интеллигенция не стеснялась высказывать свою позицию в развитии отношений азербайджанской государственной традиции между обществом и человеком, обществом и гражданином, обществом и семьей. И поэтому написанные Г. Джавидом произведения, начавшись с сохранения национально-нравственных проблем, и тысячу лет спустя останутся актуальными с точки зрения пропаганды и развития как национально-тюркистских, так и общечеловеческих ценностей.

Тюркистское отношение Г. Джавида к национально-духовным ценностям составляет основную идейную нагрузку пьесы «Пропась». «Пропась» наряду с выражением горькой участи страдающих от потери духовности, изнашивания духовности, посвящена также и романтическому восхвалению достойных духовного возвышения людей.

В творчестве Г. Джавида понятие «пропасти» представляет собой не только понятие реального

места, но вместе с тем и духовное пространство, которое возникает из беспредельности научных изысканий, процесса изучения, культурного развития. Является средством глубокого и с художественными оттенками выражения сложных характеров образов, противоречий общества. Мастер и реальные столкновения, и духовные изнашивания уподобляет пропастям, называет их беспредельными безднами, дна которых не видно, которые не исчерпываются при углублении.

Вспомним, в стихотворении «Морское представление» в небе заметна неисчерпаемая бездна. Г. Джавид говорит, что «В этой бездне есть истина одна, Скрыта она несмотря на это для слепых умов» [1, 69]. Или же в стихотворении «Наука человечества» на передний план выдвинута угроза падения науки, знания:

«Bilmək, öyrənmək» öylə bir uçurum
Ki, onun intəhası yox, dibi yox...
«Biligrəm» söyləyəm də var, rək çoq [1, 51].

*«Знание, изучение» такая бездна,
Что предела, дна не имеет...
Есть много говорящих «Я знаю».*

Неисчерпаемость и вечность идей Г. Джавида связана с тем, что его отношение к национально-духовным ценностям представляло собой еще и духовные ценности, которые желало современное, здоровое общество. Вместе с тем, является настолько же человеческим, светским, насколько является национальным.

В пьесе «Мать» Исмет, не желающая называть имени Орхана, будучи обрученным, преградив ей дорогу, признавшегося в любви, говорящая, что если при принуждении братом к даче клятвы скажет об этом, то прольется кровь, если не скажет, то поскольку клялась Аллаху, впадет в грех-пропась, представляет собой тюркскую девушку, с нравственной высоты относящейся со страхом и осторожностью к опасным «пропастям». Г. Джавид, превративший в тему беков, задыхаясь в бытовых джунглях, проживающих свою жизнь, ведущую к их уничтожению, очень точно указывает границы духовности, выражаемые в диалогах беков. Надир бек, говорящий «Шариат представляет собой закон, созданный для спасения и счастья человека. Означает пустоту и бессмысленную легенду, катящую народ в опасную бездну» [2, 110] – находится на краю пропасти.

Г. Джавид старается донести до людей, что все религии и законы должны служить развитию

духовности, осознанию любви и истины. «Пропась», видимая в «Шейх Санане» в конце, не только материальное место, но и начало момента, идущего к вечности для духовного возвышения. Основная героиня произведения Хумар вспоминает наставление матери. В завещании, сказанном матерью Хумар дочери, перед глазами встает собственная судьба женщины. Мать, увидев измену, вслед за «Нет у мужчин верности», говорит «Пусть местом твоим будет однако монастырь» [2, 187]. Но и любовь Хумарк Шейх Санану, прыжок вместе с ним в пропась на верную смерть, является первой ступенью подъема на духовную высоту. Шейх Санан говорит «Смотри, Хумар! Всё вокруг бездна» [2, 260], «Лишь пропась является приютом» [2, 264]. Шейх Санан, в душе которого любовь к Богу превыше всего, вместе с Хумар использует пропась как ступень для возвышения к Богу. Его прыжок к смерти представляет собой момент духовного единения, время соединения Творца с сотворенным, существа, любящего с желаемой, влюбленного с возлюбленной. Мысль «Возвысились как Иса, спаслись от муки» [2, 278] является выражением судьбы героев, возвышенных пропастью.

По мере существования пропастей в обществе и после произведения «Пропась» творчество Г. Джавида не проходит мимо этих понятий. Порожденные духовной эрозией пропасти продолжают забирать в объятия все новых его героев. И в написанном в 1923 году «Пророке» встречаемся с выражениями «пропась». Если вспомним начало произведения, в диалоге Ангела и Пророка Пророк говорит:

«Вокруг меня пещеры, одинокие голые скалы, неприступные спуски, страшные пропасти...» [3, 171] Или в том же произведении выражение «Страшный путь, где видел ты пропась» [3, 245] с уст Шамсана представляет собой продолжение мысли Г. Джавида о потере духовности.

В «Хромом Тимуре» в речи Диванбека говорится «Если эти два полюса сталкиваются друг с другом, то раскрывается катастрофическая пропась. И пользуясь этим чужеземные государства вокруг, ищут возможности напасть на тюркский мир» [3, 317-318]. Г. Джавид показывает, что в пропась, порожденную исторической ошибкой государственных руководителей двух больших тюркских братских народов, скатились они сами, их близкие. Акцентируется внимание на историчности ошибки, указываются пути для ее неповторения. Все что создает пропась, являясь причиной противоречий, не становясь мишенью

европейской политики, должно быть решено, сознание единства крови, единства религии должно беречься как зеница ока.

Все это подтверждает, что Г. Джавид, взяв направление из отдельных маленьких пропастей, в крупнообъемном произведении «Пропасть» показывает и пути устранения опасностей, что произойдут в будущем.

Понятие «пропасти» в творчестве Г. Джавида выражено в двух смыслах: в жизни – пропасть в реальном мире и духовном мире! Окружение пропастью духовного мира в литературе является редко встречающейся темой и можно сказать, что разрешение темы в этом аспекте принадлежит Г. Джавиду.

Контрасты и противоречия в трагедии «Шейх Санан» проявляются и среди реальных людей, и отображается в форме победы любви над религиозным верованием. Мешающие Шейху Санану шейхи марваны, шейхи наимы и преграждающие путь Хумар попы и платоны являются отражением реальных жизненных событий. А аспект мышления о религиозных различиях, духовно сковывающих Шейх Санана и Хумар, представляет собой противоречие, возникшее в силу духовности их обоих. Вместе с тем, перешагнуть через контрасты и противоречия, присущие духовному миру, ничуть не легче, чем перешагнуть через шейхов и священников.

И в пьесе «Пропасть» существует пропасть, охватывающая обе линии между Джалалом и Гёверчин. Одна из них относится ко времени, когда Джалал встретил в Париже Анжель, а другая относится ко времени, когда Джалал снова вернулся в Стамбул. Парижская жизнь Джалала представляет собой этап зарождения пропасти между Джалалом и Гёверчин, а повторная стамбульская жизнь является местом реальной пропасти. Видимо, Г. Джавид, осмыслив, насколько начатый в «Шейх Санане» вопрос серьезен, продолжил его впоследствии в отношениях Гёверчин и Джалала.

Обычная, реальная пропасть, затем глубокая пропасть в духовном смысле и их художественное разрешение представляют собой качества, обеспечивающие тематическое и идейное разнообразие творчества Г. Джавида. Какое-либо потрясение, возникшее в человеке, может создать неожиданный оползень. В действительности, при возникновении в духовности уклонения, потере духовности, человек собственными ногами движется в сторону пропасти. Человек сам приводит себя к краю бездны. Когда исчезает пово-

рот, который не позволило безволие, бездна становится неизбежной.

Выбор в «Пропасти» Гёверчин, являющейся сельской девушкой, в качестве символа нравственности, не случаен. Общеизвестная истина, что чистота является издревле хранимой национальной духовной ценностью, и более всего укоренившись развивается в селе. Гармония села с природой характеризует первичность, чистоту в человеческой нравственности. Естественно и развитие и распространение оттуда национальных ценностей. В Гёверчин, сельской девушке, есть чистая, невинная любовь. Однако причина ее счастья Джалал едет в Париж. Как сама говорит, она никогда не выдержит этой разлуки. Если сравним, то увидим, что если на месте Гёверчин была бы Анжель, она бы расценила этот отъезд как свободу и трактовала бы как развязывание своих рук. Однако в Гёверчин есть большая грусть. Исследователь романтизма Вели Османлы пишет: «В первой сцене знакомства мы видим участников огорченными. Огорчение вызывает опять же разлука. Ожидается разлука героев произведения. Главный герой, разлучившись с любимой, должен ехать куда-то вслед за своими романтическими идеалами. Романтические идеалы и разлука. На одной стороне сладость идеалов, придающих вкус мечте, на другой стороне причитания безвременной разлуки»[7, 72]. Представления Гёверчин заключаются в том, что с отъездом Джалала опустеет дом, опустеет Стамбул, опустеет мир. Это демонстрирует богатство нравственности тюркской женщины. Не случайно, что в поиске образа для противопоставления Гёверчин в произведении Г. Джавид выбирает не вторую тюркскую женщину, а Анжель – европейскую французскую девушку. К сожалению, в настоящее время в XXI веке любовь к Западу в Турции во многих случаях остается некоей болезнью. Все еще в Турции брак с европейцами воспринимается как преимущество. Причина возникших в народе в период развития поколений моральных пропастей опирается на исторические ошибки.

Джалал художник, возможно, должен выйти на поиски темы, развезжать, наблюдать, для сбора новых тем, расширения воображения художника путешествия являются прекрасной идеей. Но отъезд Джалала из семьи мог бы не стать причиной для распада семьи, в случае, если бы Джалал повел себя как тюрк, сын тюрка. Вообще, предпочитавший тюркскую нравственность критик – Казимоглу – после постановки этого произведения в напечатанной в

газете «Коммунист» статье писал: «Какая же из Гёверчин тюркская женщина, если её за руку держал Акрам». Исторические факты показывали, что в тюркской морали даже руки замужней женщины нельзя касаться. Она должна считаться священной как крепость верности, доверия. А в произведении, увидевший поле открытым Акрам, держа за руку, утешает ее. Следовательно, если в здравие Г. Джавида было подобное критическое отношение, причиной тому был сам Джалал. Тропинку, ведущую и к духовной, и к реальной пропасти и в этом вопросе, протаптывает сам Джалал. Откуда мы видим эту тропинку в эти первые мгновения? Сколько бы сам Джалал, видя беспокойство Гёверчин, ни клялся и успокаивал, позже он противоречит своей клятве, не может остаться верным сказанным Гёверчин словам, даже произнесенные им «если наполнится мир ангелами, кроме тебя никого я не буду замечать» мысли превращаются в ложь, измену. То есть реальные жизненные истины видны наглядно. Ученый-джавидолог Камран Алиев в статье «Правда Джавида» пишет: «А истина эта в полном смысле является истиной свободы и счастья. В пьесе «Пропась» настроенный на баяты голос Гёверчин говорит именно это:

Gövərcinim, Gövərcin,
Ağlaram için-için.
Mən bir qara bəxt ilə
Neçin doğdum, ah neçin?!»[4]

*Гёверчин моя, Гёверчин,
Плакать буду содрогаясь.
С черной судьбой меня
Зачем родила, зачем?!»*

Другие персонажи в произведении – мать Гёверчин и присматривающий за ее сельскими делами слуга, брат Ылдырым и преподававший ей в деревне Акрам играют важную роль в разъяснении идеи – пропасти в жизни и в духовности. Наличие школьной среды в селе, существование обучающего заведения и преподавателя, даже преподавание там Акрама представляют собой косвенное выражение идеалистического отношения Г. Джавида к образованию, просвещению. Все они признаются и остаются в памяти в качестве сторонников борьбы за чистую духовность.

Анжель же преподнесена целиком образом, олицетворяющим мораль женщины Запада. Её манера речи, взаимоотношения с другими мужчинами и в этих рамках склонность к при-

ехавшему из Стамбула художнику воспроизведены художественными красками. Анжель «с большим мастерством влечет, обманывает, разворачивает и уничтожает» [6, 183]. Хотя новое знакомство является новой потерей морали, попавшая в сети новая добыча очень наивна. В целом в пьесе «Пропась» сталкиваются европейская мораль с восточно-тюркской нравственностью. При этом при встрече Гёверчин с Анжель, при противостоянии тюркской морали, тюркской духовности с европейской моралью, европейской духовностью, всматриваясь в количество и качество утрат и приобретений, мы встречаемся с безрадостной картиной.

Оставшаяся верной свое семье, устроившая траур по отъезду мужа в другую страну, откровенно нелюбимая жена – Гёверчин хоть и осталась вне интересов своего супруга, даже не задумывается о замужестве с другим, и превращается в обобщенный образ тюркской нравственности. Видеть длинноволосого художника, приехавшего из Турции, жаждать общения с ним, получить от него что-то – это проявление западной культуры, французской женщины, конкретно Анжель. Таким образом, перед глазами демонстрация заключающей в себе отличные друг от друга 2 полюса, а также воплощенной в жизни и духовности морали.

Ученый-джавидолог Камран Алиев в своей статье под названием «Любовь – самая большая религия» пишет: «Любопытно, что драматург не противопоставляет олицетворение истинной любви Гёверчин с легконравной Анжель. Словно Гусейн Джавид не считает это противопоставление соответствующей взамен истинной любви. Джалал же снова оказывается лицом к лицу с Гёверчин и любопытно, что в этот момент парижский «гость» обвиняет стамбульскую обительницу Гёверчин в «увлеченности другой любовью». Это была попытка Джалала найти оправдание самому себе. А когда и это не удается, у Джалала остается лишь один путь: прыгнуть в пропасть» (5).

В западной культуре подобное поведение – замена одного на другого, а его на третьего, и легкомысленный образ жизни есть фактор сбрасывания женщиной саму себя в пропасть. Вместе с тем, действия Анжель не ограничиваются ведением ее в пропасть, принесся несчастье являющейся обладательницей большой нравственности Гёверчин, катит её семью в целом в пропасть. В действительности Анжель как несчастная является временной игрушкой, инструментом развлечения. Несмотря на то,

что сегодня она кому-то интересна, считает своим счастьем чью-то склонность к себе, но это пропасть и легкомысленный образ жизни. М.Г. Тюркекуль в работе «Азербайджанский тюркский поэт Гусейн Джавид» пишет: «Анжель, играя комедию любви с Джалалом, не хочет упускать из рук и француза Эдмона, наряду с московским графом, иранским принцем, одного из своих друзей. Не сторонится принимать его в отсутствие мужа в своей спальне комнате. Анжель настолько развратна, что не прочь признаться в любви даже шурина Джалала Йылдырыму» [8, 115].

Приезд Йылдырыма во Францию, сочувствие как брата состоянию Гёверчин, желание, пусть и в небольшой мере, вернуть Джалала с пути является положительным шагом. Однако как ни старался Йылдырым, добиться этого не может, сил заставить Джалала удержаться от своих действий не хватает. И сам Джалал находится на одной стороне пропасти в силу демонстрации легкой нравственности. Йылдырым полагает Джалала обитателем мира грез:

Səlal həqiqətdən ziyadə – bəncə
Xəyal düşkünüdür, onun zənnincə
Xəyaldan doğarmış bütün böyüklük,
Nəqiqi lövhələr öncə rək sönük [2, 331]

*Джалал действительно слишком уж
Мечтателен очень, на его взгляд
Мечтами порождено все величие,
Настоящие картины в начале очень тусклы.*

Результаты и обсуждение

Жизнь героя «Пропасти» Джалала в мире грез отдалив его от реальности – осознания истины, правды – приводит к сегодняшнему моральному образу. И поэтому когда национальное духовное сознание не осознает бренности блестящих красот, может привести мораль народа от женского горя вплоть до потери земли, Родины.

Пропасть в его характере, слабость моральной полноценности, поиск неясной цели и соединяющее в себе все это мечтательность принуждает Джалала к путешествию в Европу. Если бы Джалала было духовное богатство, он, возможно, как сам Джавид, обретя в ходе философских изысканий совершенство, полноту, вернулся бы с высшим образованием и опытом, нахождением Анжель не открыл бы путь к своему несчастью. Однако сам он, не зная, что ищет, попадает в когти Анжель. Как слабый, мечтательный, безвольный художник обрекает себя и свою семью уничтожению.

Заключение

Таким образом, пьеса Г. Джавида «Пропасть» не может, ограничившись, остаться произведением лишь того времени, в котором оно было написано. На одной семье приведший на плоскость художественности Европу и Восток, сцены жизни и духовности, в более широком смысле прошлое и будущее, поэт-драматург создал трагедию «Пропасть» как произведение, нужное для времен и поколений.

Литература

- 1 Джавид Г. Произведения. – I т. – Баку: Наука, 2007. – 321 с.
- 2 Джавид Г. Произведения. – II т. – Баку: Наука, 2007. – 394 с.
- 3 Джавид Г. Произведения. – III т. – Баку: Наука, 2007. – 368 с.
- 4 Алиев К. Истина Джавида // Газета «Азербайджанский учитель». 10 сентября 1982 г.
- 5 Алиев К. Любовь – самая большая религия // Газета «Азербайджанская молодежь». 28 октября 1982 г.
- 6 Караев Я. Избранные произведения. – I т. – Баку: Наука, 2015. – 183 с.
- 7 Османлы В. Азербайджанские романтики. – Баку: Писатель, 1985. – 72 с.
- 8 Тюркекуль М.Г. Азербайджанскому тюркскому поэту Гусейну Джавиду. – Стамбул, 1963. – 115 с.

References

- 1 Javid G. Works. I t. Baku, Science, 2007. 321 p. (In Azerbaijan)
- 2 Javid G. Works. II t. Baku, Science, 2007. 394 p. (In Azerbaijan)
- 3 Javid G. Works. III t. Baku, Science, 2007. 368 p. (In Azerbaijan)
- 4 Aliyev K. The truth of Javid. The newspaper «Azerbaijan teacher». 10 September 1982. (In Azerbaijan)
- 5 Aliyev K. Love – the largest religion. The newspaper «Azerbaijani youth». 28 October 1982. (In Azerbaijan)
- 6 Karaev Y. Selected works. I t. Baku, Science, 2015. 183 p. (In Azerbaijan)
- 7 Osmanli V. Azerbaijan's Romantics. Baku, Writer, 1985. 72 p. (In Azerbaijan)
- 8 Turkek'ul M.G. Azerbaijani Turkic poet Huseyn Javid. Istanbul, 1963. 115 p. (In Azerbaijan)